

² Handbuch des Völkerrechts/Hrg. Fr. von Holtzendorf, Hamburg, 1885. Bd. 1. S. 465; Ривье А. Учебник международного права. М., 1893. С. 41 («прежде всего он позитивист»); Гефтер А. Европейское международное право. Спб., 1880. С. 27; Захаров Н. А. Курс общего международного права. Пг., 1918. С. 20 («Мартенс считается родоначальником историко-позитивного направления международного права»); Becher L. J. J. Moser und seine Bedeutung für das Völkerrecht. Würzburg, 1927. S. 68; Оппенгейм Л. Международное право. М.: Гос. изд-во иностр. лит.-ры, 1948. Т. 1, п/т 1. С. 108; Левин Д. Б. История международного права. М.: Изд-во междунар. отн., 1962. С. 56—57 (Мартенс «в гораздо большей степени придерживается историко-позитивного направления, чем естественно-правового») и др.

³ Грабарь В. Э. Г. Ф. Мартенс//Энциклопедический словарь/Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Спб., 1895. Т. 36. С. 690.

⁴ Martens G. F. Précis du droit des gens moderne de l'Europe, 1858. Т. 1. P. 29.

⁵ Op. cit. P. 32.

⁶ Op. cit. P. 34.

⁷ Op. cit. P. 44.

⁸ Гроций Гуго: О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Гос. изд-во юрид. лит.-ры, 1956. С. 44.

⁹ Martens G. F. Précis. P. 201.

¹⁰ Becher L. Op. cit. P. 52—53.

¹¹ Moser J. J. Versuch des neuesten Europäischen Völkerrechts in Friedens- und Kriegszeiten, vornehmlich aus denen Staatshandlungen derer Europäischen Mächten so sich seit dem Tode Karl VI im Jahre 1740 zugetragen haben. Frankfurt, 1777. Bd. 1. S. 12.

¹² Lebens-Geschichte Johan Jacob Mosers von ihm selbst beschreiben. Frankfurt und Leipzig, 1783. Bd. 4. S. 128 u. a.

ФИЛОСОФИЯ БИОЛОГИИ: ОТ КАНТА К ГЕГЕЛЮ

С. В. Корнилов

(Калининградский государственный университет)

Разработка концепции внутренней целесообразности — одна из связующих тем немецкой классической философии от Канта к Гегелю. То, что он идет вслед за Кантом в трактовке органической природы как мира целенаправленных организмов, неоднократно подчеркивалось самим Гегелем. Он отмечал, что основоположник критической философии покончил с роковой ошибкой старой телеологии, состоявшей в признании внешней определенности целевых отношений в живой природе, в рассмотрении их с точки зрения плоской полезности. Вместе с тем кантовская философия представляла собой несовершенное разрешение проблемы жизни, так как «придала целесообразности статус лишь субъективной максимы. Гегель считал, что в его органической физике этот недостаток преодолен, «снят» в соответствии с общей логикой развития мышления, которое через абстрактные и односторонние моменты понимания объекта приходит к постижению всеобщего. Гегелевская позиция в понимании развития науки и философии — своеобразная разновидность кумулятивизма, рациональный смысл которого состоит в фиксации пре-

емственности развития научного знания. Однако элемент непрерывности мышления гипертрофирован Гегелем, и сопоставление философии биологии Канта и Гегеля показывает, что это не только различные философские учения, со своим собственным языком и онтологией, но и то, что кантовская концепция нередуцируема к гегелевской и задает иной класс проблем и методов их решения.

«Критика способности суждения», в которой концептуально разработана философия биологии Канта, завершающая и систематизирующая часть его критической системы. Но то, что развернуто и систематически обосновано Кантом в его критике телеологической способности суждения, идейно намечено в «Критике чистого разума»; именно в ней исток и основное исходное противоречие применения способности суждения.

Согласно гносеологии Канта познание всегда ограничено пределами опыта. Однако человеческие устремления выходят за пределы теоретического знания, они направлены на поиск абсолюта. Если познаваемые нами явления остаются условными, то цель разума состоит в достижении безусловного. Поэтому существует разница между рассудочными понятиями, связывающими чувственно данное в опыте, и идеями разума, выходящими за границы опыта. Однако стремление мыслить безусловное приводит к антиномиям. Противоположность свободы и необходимости — как раз то глобальное противопоставление, спецификация которого в кантовской философии определяет методологию биологического познания.

Тезис данной антиномии гласит: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность». Антитезис: «Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы» (3, 418—419). В «Критике способности суждения» эта антиномия, по существу, воспроизводится в альтернативе телеологизм — механизм: всякое возникновение материальных вещей возможно только по механическим законам, но некоторые их порождения невозможны по таким законам (5, 413). Третья «Критика» обнаруживает, таким образом, единство с первой, поэтому обратимся к доказательству тезиса и антитезиса, учитывая результаты обеих.

Обоснование их проводится Кантом методом от противного. Несколько модифицируя и упрощая кантовское изложение, допустим противоположное утверждаемому в тезисе, а именно, что не существует никакой другой причинности, кроме причинности по законам природы, т. е. механической необходимости. Это допущение противоречиво, так как в природе ничего не может происходить без достаточной причины, которая в свою очередь является следствием другой причины, и т. д., причем причинный ряд, очевидно, не имеет конца. В таком случае обнаруживается

типичная ошибка доказательства (регресс в бесконечность), а значит существует абсолютная спонтанность или свобода.

Для доказательства антитезиса допустим, что существует свобода. Это значит, что предполагается такое состояние, которое не имеет никакой причинной связи с предшествующим состоянием той же самой причины. Последнее противоречит закону причинности, являющемуся гарантом единства нашего опыта, следовательно, свобода как абсолютная спонтанность не существует.

Таким образом, взаимоисключающие утверждения оказываются равнодоказуемыми и порождают антиномию чистого разума. Каков же способ устранения данного противоречия применительно к его частному проявлению: антиномии телеологизм — механизм? Сопоставление первой и третьей «Критик» приводит к заключению, что позиция Канта по этому фундаментальному вопросу, решение которого, по сути, конституирует всю его философию биологии, характеризуется определенной непоследовательностью, но, главным образом, расширением гносеологической концепции «Критики чистого разума» и ее существенным преобразованием в отношении возможностей и границ познания органического мира.

Первый шаг на пути разрешения антиномии телеологизм — механизм Кант делает, объявляя их субъективными максимами. Однако это противоречит всей его философии¹. Действительно, закон причинности как закон необходимой связи событий во времени в той же степени объективен, в какой объективна природа в кантовской системе. Конечно, понимание организмов как целей природы и объяснение их с механических позиций роднит то, что ни одно из них не дает нам проникновения в природу вещей самих по себе. В этом смысле механизм как способ мышления об объектах природы не имеет никаких преимуществ перед телеологией, поскольку не говорит об организмах как о вещах в себе.

Трактовка антиномии телеологизм — механизм как столкновения двух субъективных максим не может рассматриваться в качестве ее разрешения, ибо помимо вопроса о месте максим в структуре мыслительных способностей человека должна быть проведена квалификация их с точки зрения истинности: какой из двух принципов истинен сам по себе? Так ставит вопрос Гегель: «Для этой точки зрения нет никакой границы, рассматриваются ли принципы как *объективные* (это значит здесь: внешне существующие определения природы) или только как *максимы субъективного познания*»².

Преодоление выявленной антиномии телеологической способности суждения в рамках критической философии достигается разграничением определяющей и рефлектирующей способности суждения за счет дополнения номенклатуры мыслительных способностей, детально проанализированной Кантом ранее. В пер-

вой «Критике» функция способности суждения закреплялась за подведением особенного под заранее данное рассудком общее. В «Критике способности суждения» Кант открывает у нее другую функцию: нахождение общего в особенном, точнее, обнаружение идентичности эмпирических законов, открываемых в природе. Таким образом, существуют две разные способности суждения: определяющая и рефлектирующая, и «вся видимость антиномии между максимами собственно физического (механического) и телеологического (технического) способа объяснения зиждется, следовательно, на том, что основоположения рефлектирующей способности суждения смешивают с основоположением определяющей...» (5, 416).

Необходимость введения рефлектирующей способности суждения вызвана как внутренними потребностями самой кантовской системы, так и углублением анализа структуры познавательной деятельности. В фундаменте гносеологии Канта лежат два принципа, а именно, что природа детерминирована универсальными законами и, во-вторых, что эмпирические законы интеллигибельны человеческому рассудку. Последние при этом не могут быть дедуцированы из первых; они могут быть только открыты в природе. Однако бесконечное многообразие эмпирических законов и разнообразных природных форм нельзя представлять в виде агрегата данных, ибо в противном случае утерялась бы идея науки. Научное знание обязано быть системно организовано, поэтому следует допустить возможность соединения эмпирических законов под одним принципом. Обосновать подобное соединение не в состоянии ни рассудок, ни разум. Эту функцию должна взять на себя особая познавательная способность, которая и называется Кантом в третьей «Критике» рефлектирующей способностью суждения.

Своеобразие способности суждения определяется тем местом, которое она занимает в системе высших познавательных способностей. Являясь опосредующим звеном между способностью познания общего, т. е. деятельностью рассудка, и способностью выведения принципов, или разумом, рефлектирующая способность суждения в отличие от первой не претендует на познание природных объектов, и в то же время в отличие от разума имеет дело с многообразием эмпирических законов. Ее основная задача — дать «лишь некий принцип для продвижения согласно законам опыта, благодаря чему становится возможным изучение природы (5, 109).

Каково же конкретное выражение данного принципа? Не обладая силой законодательства, он, очевидно, должен создавать возможность представления природы таким образом, как если бы она существовала ради способности суждения. Иными словами, основной принцип рефлектирующей способности суждения призван установить соответствие между эмпирическими законами и опытом как системой. В основании возможности опыта как

целого, делает заключение Кант, лежит закономерность случайного, т. е. «формальная целесообразность природы, которую мы безусловно допускаем в ней» (5, 109).

Итак, под понятием целесообразности в кантовской философии имеется в виду прежде всего формальная целесообразность, характеризующая систему научного знания, единство эмпирических законов в общей картине природы. Специфическим примером ее будет математическая целесообразность, поскольку свойства геометрических фигур и чисел позволяют применять их в разных областях и решать различные проблемы. Эвристика математических понятий хорошо известна. Но что такое, например, правильный шестиугольник? В нем случайно объединены шесть равных линий, сходящихся в одной плоскости под равными углами, причем объединение этих формальных свойств целесообразно. Поскольку же природа кажется удовлетворяющей желание субъекта познания в системе, то, когда такая субъективная система подтверждается в ходе познания, это не может не вызвать восхищения.

Переход от рассмотрения свойств отдельных элементов научного знания к системе наук позволяет полностью реализовать идею формальной целесообразности. «Каждая наука есть отдельная система; недостаточно строить в ней по принципам и, следовательно, действовать технически, а необходимо архитектурно обращаться с ней как с самостоятельным строением...» (5, 407). Будучи условием единства познавательного опыта и основанием системы научного знания, принцип целесообразности перерастает из частного приема мышления о природных объектах в универсальный внутренний принцип всего научного знания. И если «Критика чистого разума» определила необходимые объективные априорные условия опыта (априорные понятия и универсальные законы природы), то завершением кантовской гносеологии стало открытие объективно возможного, но необходимого субъективно априорного основания познания.

Следующий шаг в кантовской разработке принципа целесообразности связан с обоснованием существования не только формальной, но и материальной целесообразности природы. Эта идея представляется революционной в рамках критической философии, поскольку ранее Кант отверг телеологический метод исследования и признал в качестве истинного механическое объяснение. Понятие материальной целесообразности в отличие от формальной имеет более узкую сферу применения. Громадное количество природных объектов не обнаруживает какой-либо формы системы. Таковы почвы, камни, минералы, представляющие собой материальные агрегаты. В то же время формы цветов, внутреннее строение растений и животных не могут рассматриваться иначе как системы. Но принцип системности есть целесообразность. Поэтому наряду с универсальным субъективным основанием познания — принципом формальной целесооб-

разности — мышление об органических формах требует иного подхода, т. е. собственно телеологии.

Можно сказать, что квинтэссенцией кантовской философии биологии является следующее утверждение: «Мы можем и должны, насколько это в наших силах, стремиться исследовать природу в ее причинной связи по чисто механическим законам ее в опыте: в этих законах ведь заключаются истинные физические основания объяснения, цель которых составляет научное познание природы разумом. Однако среди продуктов природы мы находим особые и очень распространенные роды, в самих себе содержащие такую связь действующих причин, в основу которой мы должны положить понятие цели, если только хотим осуществить опыт, т. е. наблюдение согласно принципу, соответствующему внутренней возможности опыта» (5, 141).

Ключевая идея кантовской философии биологии предельно ясна: при описании определенной сферы реальности — органического мира — исследователь может использовать один из двух альтернативных языков, применение каждого из которых в равной мере законно. Кант допускает, что живые объекты могут мыслиться принципиально по-разному: причинным и целевым образом, на основе механического объяснения и телеологического понимания. Оба этих языка содержат базовые термины и исходные принципы преобразования. Внешняя каузальность выступает в качестве основного правила построения объекта механического языка, целевая детерминация — закон конструирования объекта в телеологическом языке. Причем значения терминов, употребляемых в том и другом случае, будут различны: такие термины, как «цель», «целенаправленность», «конечные причины» и т. п., присущи только телеологии, в то время как «организм», «полезность», «функция» и т. д. приобретают свое специфическое значение в альтернативных языках. Кант специально подчеркивает последнее, утверждая, что личинка не может возникнуть из материи посредством механизма и вместе с тем согласно целям (5, 442). Значит и в данном конкретном примере значение термина «личинка» изменится при переходе от механического описания к телеологическому.

Хотя Кант и признает правомерность применения целевого языка и языка механики и соответственно способов мышления органического мира, они остаются несовместимыми для любого конечного, а значит и человеческого разума. Возможность их совмещения допускается лишь для недискурсивного разума, способного познать трансцендентный объект. Однако, если между механизмом и телеологизмом нет ничего общего, их объединение в одном конечном разуме становится на самом деле иллюзорным, и преодоление разрыва действительно требует выхода за узкие рамки критицизма.

Необходимость снятия дуализма кантовской философии биологии была осознана в немецкой классической философии и

реализована Гегелем. Его подход представляет собой важный, хотя и не единственно возможный способ разрешения возникших противоречий. Существенной особенностью философии биологии Гегеля является то, что познание органического мира мыслится им не только как совмещение или несовмещение альтернативных языков, но также в плане постижения жизни как такого уровня организации природы, который базируется на механизме и химизме. Вместе с тем в его концепции сохраняется организмоцентрическая точка зрения, что роднит ее с предшествовавшей системой.

Живой организм — исходная единица гегелевского анализа органического мира — образован тройственным процессом. Во-первых, он есть формообразующий процесс, заключающийся в отношении индивидуума к самому себе. Далее, ассимилируя окружающую среду, организм образует особое отношение с внешним миром. Наконец, взаимодействие индивидуумов друг с другом конституирует родовой процесс. Такова сфера живого. Все процессы жизни предполагают целевую детерминацию. Зародыш растения содержит в себе то, что затем реализуется в растении. Если раскрыть отношение организм-среда, то обнаружится, что животные не воспринимают в себе нечто готовое из внешнего мира, но живое есть самовоспроизводящееся, обладающее властью над неорганической природой, способное превращать ее в свой собственный продукт. Родовой процесс образует иерархию организмов, в которой одни организмы служат потреблению других. «Нельзя сделать и шагу в изучении природы, — делает вывод Гегель, — не постигнув понятия цели...»³.

Разработка категории цели — признанное достижение гегелевской философии. Целевое отношение возникает тогда, когда внешняя причина опосредуется внутренней организацией. Целесообразность не отменяет причинность, но как раз осуществляется посредством причинности. Движение цели направлено к снятию ее предпосылки, в качестве которой выступает объект. Оно начинается с потребности, действующей как возбуждение. В целевой детерминации действие, однако, не угасает в следствии, но существует возврат движения от следствия к причине.

Глубокое понимание Гегелем телеологии живой природы показывает перспективы, которые открываются за рамками критицизма в понимании органического мира. Но стало ли преодоление кантовского дуализма с позиций абсолютного идеализма совместимым с принципами научного мышления? Исходя из своего основоположения о тождестве бытия и мышления, Гегель пришел к убеждению, что механизм и химизм подчинены отношению цели, а вся природа есть реализация высшей цели. «Истинное телеологическое понимание, — писал он, — а оно является наивысшим, — состоит, следовательно, в том, что природа рассматривается как свободная в ее собственной жизнедеятельности»⁴. Эта свободная жизнедеятельность имеет, однако, вполне

определенную направленность. Цель природы — умертвить себя, чтобы превратиться в дух. «...Он существует также до, как и после природы, а не только в качестве ее метафизической идеи. Будучи целью природы, он именно поэтому *предшествует* ей, она вышла из него, но не эмпирически, а так, что он, предпосылающий ее себе, уже всегда содержится в ней»⁵. Таким образом, финалом гегелевской телеологии стала отвергнутая точка зрения внешней целесообразности.

Постулирование потусторонней природе цели не является лишь внешним дополнением философии биологии Гегеля: в действительности происходит деформирование всей его концепции жизни. В результате организм для него — «существующая идея», растение — «распадается на три умозаключения», животное — «понятие, присутствующее в телесном». Дух пронизывает природу, так что каждая ступень развития природы разворачивается по определенной логической схеме. Логизирование бытия подменяет в философии Гегеля реальное исследование, поэтому она вступала в противоречие с ведущими тенденциями развития естествознания.

Со всей полнотой это проявилось в вопросе о возможностях применения методов физики и химии в познании жизни. По мнению Гегеля, ни процессы ассимиляции и пищеварения, другие функции организма, ни его структуры и способы реагирования не могут быть поняты с физико-химической точки зрения, поскольку телеология живого подчинила себе неорганическую природу. Количественные различия ничего не дают в сфере понятия и жизненности, являющихся только качественными. Химический анализ вместо доказательства способен лишь на поверхностное сопоставление органических явлений. «Грубость этого подхода заключается в том, что самое поверхностное *carpit mortuum*, мертвое вещество, в котором химия вторично умертвила умершую жизнь, принимается за *сущность* живого организма и даже за его *понятие*»⁶.

В условиях широкой экспансии физико-химических методов изучения живого в биологии XX века гегелевский антиредукционизм утратил свою научную респектабельность. Кантовская же идея о дополнительности двух языков, с помощью которых описывается и мыслится органический мир, в настоящее время представляется привлекательнее методологически и эффективнее эвристически. Произошло это потому, что в философии биологии Гегеля спекуляция заменила теорию, регулятивные идеи были онтологизированы, а вместо конструктивного исследования живой природы целью стало самопознание абсолюта.

¹ Cassirer H. W. A Commentary on Kant's Critique of Judgment. L., 1938. P. 345.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1972. Т. 3. С. 191.

³ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 530.

- ⁴ Там же. С. 14.
⁵ Там же. С. 578.
⁶ Там же. С. 505.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ СМЫСЛ КАНТОВСКОГО АПРИОРИЗМА

В. Я. Перминов
(*Московский государственный университет*)

Говоря о теории познания И. Канта, надо прежде всего отметить то, что она исходит из некоторого рода бесспорных фактов, которые нуждаются в объяснении независимо от того, признаем мы или не признаем теоретические построения Канта. Это в полной мере относится и к кантовской концепции априорного знания.

Исследуя понятие пространства и времени, Кант обратил внимание на то, что эти понятия имеют черты, резко отличающие их от обычных эмпирических понятий. Это отличие состоит, в частности, в том, что, будучи несомненно абстрактными понятиями, они вместе с тем не могут рассматриваться в качестве результата обычного абстрагирования или обобщения. Если мы возьмем, к примеру, понятие «человек», то мы можем поставить ему в соответствие множество отдельных людей, отличающихся друг от друга, общие признаки которых и выражаются в понятии «человек». Для понятий же пространства и времени не существует отличных друг от друга пространств или времен, которые представляли бы эмпирическую базу обобщения. Таким образом, мы имеем здесь дело с понятиями особого рода, которым, как кажется, не соответствует ничего собственно конкретного, некоторые общие представления, не имеющие частных и более богатых по своим признакам реализаций. Основываясь на такого рода предельно ясных соображениях, Кант пришел к выводу, что наряду с представлениями, которым можно приписать опытное или индуктивное происхождение, в человеческом сознании существуют представления, имеющие другую природу, не содержащие в себе ничего эмпирического, доопытные или априорные представления.

В настоящей статье предлагается интерпретация кантовской концепции априорного, основанная на понятии деятельности, которая, на наш взгляд, позволяет выявить рациональный смысл этой концепции и связать ее с рядом проблем современной методологии науки.

1. Априорность категорий

Всякое знание мы строим на основе категорий, т. е. на основе таких родовых понятий, как материя, пространство, время, причинность и т. д. С категориями связаны определен-